

повинні слідувати в порядку черговості космологія, психологія і теологія [10, с. 113].

В розумінні І. Канта наука самостійно конститує свій предмет: в самому світі немає фізичних, хімічних, біологічних, математичних та інших явищ. Проте стосовно науки все-таки можна говорити про реально-досвідну основу предметів, які нею вивчаються. На відміну від фізики (природознавства), об'єкти вивчення якої (наприклад, існуючі тіла) наявно присутні, метафізика не має такого ж очевидного „свого” предмету, так що, перш ніж відповідати на запитання про можливість метафізики, слід в'яснити, а чи є у неї свої об'єкти дослідження? Разом з тим постає питання: що таке об'єкт метафізичної реальності?

ЛІТЕРАТУРА

1. Гусев В.І. Вступ до метафізики. – К.: Либідь, 2004.- 488 с.
2. Ільїн В.В. Фінансова цивілізація. – К.: Книга, 2007.- 528 с.
3. Кант И. Критика чистого раз ума. – М.: Мысль, 1992.- 657 с.
4. Катречко С.Л. Как возможна метафизика // Вопросы философии. – 2005. - № 9.- С. 83-94.
5. Корет Э. Основы метафізики. – К.: Тандем, 1998.- 248 с.
6. Неклесса А. Трансмутации истории // Вопросы философии. - № 3.
7. Осипов Ю.М. Философия хазяйства. – М.: Юрист, 2001.- 624 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.- 447 с.
9. Хоружий С.С. Неотменимый антропоконтур. Контуры До-Кантова Человека // Вопросы философии. – 2005. - № 2.- С. 52-63.
10. Шохин В.К. «Проект» персонологической антропологии и философия ценностей // Вопросы философии. – 2002. - № 6.- С. 112-118.

Дзюбенко М. А. - аспірантка кафедри філософії та соціології Южноукраинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского

УДК: 303.6+345.026.8

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В РУСЛЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

У статті розглядаються механізми фінансового насильства в його типологічній специфіці з позицій економіко-філософської думки. Аналізується поняття економічного насильства, як особливого виду відносин у соціумі. Розглядаються основні фрейми проникнення насильницьких ідей у фінансову структуру суспільства.

Ключові слова: *фінансове насильство, економічна нерівність, механізми економічного відчуження, мотиваційні процеси збереження матеріальних благ.*

В статье рассматриваются механизмы финансового насилия в его типологической специфике с позиций экономико-философской мысли. Анализируется понятие экономического насилия, как особого вида отношений в социуме. Рассматриваются основные фреймы проникновения насильственных идей в финансовую структуру общества.

Ключевые слова: *финансовое насилие, экономическое неравенство, механизмы экономического отчуждения, мотивационные процессы сохранения материальных благ.*

This article discusses mechanisms of financial abuse in its typological specifics from the standpoint of economic and philosophical thought. The concept of economic violence is analyzed as a special kind of relations in society. The main frames of penetration of violent ideas in the financial structure of society are considered in this article.

Key words: *financial abuse, economic inequality, economic exclusion mechanisms, motivational processes of preservation of wealth.*

Проблема насилия в финансовом аспекте для современного общества является одной из самых востребованных и актуальных. В экономическом пространстве «человеческий фактор», вероятно,

утрачивает свою былую значимость из-за новейших финансовых интеграций, которые хоть и декларированы «для человека», однако не способствуют решению «человекомерных» проблем. Хотя сама проблема экономического насилия была поднята в философии еще в теориях общественного договора XVII - XVIII веков, в частности, у Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо, многие ее аспекты остаются недостаточно разработанными, меняются приоритеты ее рассмотрения. Понятие финансового насилия востребовано в различных сферах человеческого знания и деятельности. Исходя из этого, проблема, затронутая в статье – это актуальное и перспективное научное направление. Оно нацелено на решение задач глобального, социального и экзистенциального порядка. Исследование феномена финансового насилия приобретает особое значение в условиях современного кризиса, как экономического, так и ценностного.

Цель статьи: рассмотреть механизм финансового насилия в его типологической специфике с позиций экономико-философской мысли.

Задачи статьи:

1. Проанализировать сущность понятия «экономическое насилие».
2. Рассмотреть механизмы финансовых аспектов насилия в их ретроспективе.

Подход к феномену насилия может осуществляться двумя взаимодополнительными методами. С одной стороны, можно рассмотреть само понятие насилия в широком смысле, а с другой стороны, можно выявить его конкретную субъект-объектную основу.

В марксистской традиции в широком смысле слова под насилием подразумевается применение тем или иным классом различных, вплоть до вооруженного воздействия, форм принуждения в отношении других классов или социальных групп с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий.

Однако понятие насилия нуждается в более узком и конкретном рассмотрении его проявлений относительно всех разновидностей насильственно-волевых отношений в социуме, одним из которых является денежное или финансовое насилие.

Отношение государства к насилию можно условно разделить на два вида. В первом случае государство институционализирует насилие (легитимизирует), во втором – заменяет насилие косвенными формами. Экономическое насилие является именно такой узконаправленной разновидностью властного доминирования.

С одной стороны, современное индустриальное общество с его господствующим приоритетом денег, более гуманно, чем все формы правления, ему предшествующие. Но с другой точки зрения – отчетливо ясно, что господство физического насилия, всячески порицаемое современным обществом, просто трансформировалось в его экономический аналог.

Под денежным насилием подразумевается угнетение экономических прав и возможностей индивида, исходящее не только со стороны общества и государства в целом, но и из побуждений самого индивида. Борьба за господство сохранилась, но орудие этой борьбы трансформировалось из пушечных ядер в кредитные карты.

Существует мнение, что исторические процессы ведения войн и доминирования насильственных методов решения проблем на Руси прямым образом повлияли на этимологию слов, обозначающих денежные единицы [5, с. 34]. Например, слово «рубль» произошло от глагола «рубить». «Копейка» получила свое название в честь копыя Георгия Победоносца. И, как справедливо отмечает специалист по истории провинциального дворянства Яков Кротов, основной денежной единицей Киевской Руси всегда являлись символы, несущие в себе элементы насилия.

Но, с другой стороны, то же культурное наследие Киевской Руси говорит нам о совершенно другом, попустительском и, в некоторой степени, пренебрежительном отношении к деньгам у славян. Это можно аргументировать изображениями христианских святых, которых мы обычно видим в простой одежде, в отрешенной кроткой позе. Во времена царской Руси деньги считались более воплощением насилия и зла, нежели добра. Это подтверждается во множестве пословиц, таких как «залез в богатство, забыл и братство», «денег нет, зато сами золото», «когда деньги говорят, тогда правда молчит».

Этика ненасилия всегда выступает против принципиального применения силы, но в случае феномена денежного насилия она сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, во многих случаях объект и субъект насилия представляют собой одного и того же индивида. Человек находится в плену у своих же финансов. Во-вторых, под экономическим насилием зачастую подразумевается финансовый контроль со стороны государства, процедуры обязательных отчетов. И бороться с таким контролем невозможно, поскольку он полностью легитимизирован [2, с. 239-240]. Узаконенное

контролирование финансовых средств и возможностей индивида зачастую воспринимается человеком, как контроль над его собственной волей, сжатие рамок его самоидентификации. Восприятие такого контроля неразрывно связано с осознанием индивидом своей экономической незащищенности и попытками примириться с внутриличностными аспектами финансового насилия.

Доминирующим аспектом экономического неравенства являются деньги (или, как говорят в народе, их количество). Остальные же аспекты, такие, как престиж, власть, уровень жизни и репутация, если и не вытекают прямо из денег, то тесно с ними связаны. Политика в данном случае способствует нейтрализации недовольства граждан их бедственным положением и его урегулированию, создавая иллюзию равенства с помощью трудоустройства населения и контроля прожиточного минимума.

Материальное положение человека способствует формированию его образа не только в глазах окружающих, но и зачастую в его собственном воображении. Так как в социуме принято считать богатых людей более здоровыми, успешными и адаптированными к условиям среды, то человек с низким уровнем достатка зачастую ощущает себя несчастным и менее приспособленным к окружающей действительности. Такая деструктивная самооценка очень часто является неприятной как для самого индивида, так и для окружающих его людей. Самоидентификация с помощью денег является насильственным механизмом по отношению к самому себе [6, с. 56], однако отказаться от этой установки в условиях современного экономического общества практически невозможно. В этом случае денежные единицы ставят человека перед острой необходимостью критической оценки и рационального обоснования своих действий. Человеку приходится жить под гнетом самой идеи постоянного накопления капитала.

Механизм оборота денег в условиях «индивид-общество» в своей сущности укладывается в схему «отдача-принятие». И если принимаются денежные знаки вполне осознанно и воодушевленно, ведь человек знает, что получил их в виде оплаты своего труда, то отдаются они в счет компенсации какого-то товара или же труда постороннего человека, что тоже нередко воспринимается, как личностное насилие над эквивалентом труда индивида. Существует мнение, что «зрелый» индивид воспринимает такие аспекты финансового насилия, как разумющийся подход государства к системе денежного оборота. Соответственно, индивиду не должен испытывать дискомфорт при обмене средств на товар. Однако каждый из нас хоть раз сталкивался с абсолютно противоположной картиной на рынках. Зачастую, цены на товары воспринимаются индивидом, как завышенные или несоответствующие категории данного продукта.

С другой стороны, у людей, вполне довольных и своим заработком и своей социальной состоятельностью, возникают следующие два вопроса: как накопить деньги и как их потом, накопленные, сохранить.

Мотивационные механизмы процесса сохранения материальных благ неразрывно связаны с возведением фундамента для достойной старости, однако социологи утверждают, что накопление денег ведет к еще большим страданиям индивида, относящимся к боязни их утратить. Страх перед утратой денежных средств может быть следствием не только внутриличностных переживаний индивида, но и не надежной системой государственной организации вкладов.

Особое место в самом феномене денежного насилия занимает вопрос кредитования. Современное экономическое общество настолько блестяще провело интеграцию кредитных отношений в умы индивидов, что подавляющее их число на данный момент хотя бы раз, но вступало в кредитные обязательства. Механизмы вовлечения людей в кредитные отношения не нуждаются в подробных описаниях. Гораздо легче оплачивать товар постепенно, нежели выложить «здесь и сейчас» всю сумму долга. Но существует и еще один нюанс, о котором говорят куда реже: взять кредит и ответственно его погасить в нужные сроки необходимо для того, чтобы у индивида появилась личная кредитная история. Именно эта кредитная история в будущем изрядно способствует оформлению новых кредитов и формированию положительного отношения к индивиду со стороны банков. Зачастую индивид воспринимает такую кредитную историю, как некую характеристику его внутренним качествам, выданную банком. Философия кредитных отношений наиболее изучена западными специалистами, многие из которых приходят к выводу, что такой вариант денежных транзакций между государством и человеком зачастую является насильственным по отношению к индивиду [4, с. 193]. И инициатором этого насилия, как ни странно, оказывается сам индивид. Легкость принятия решения о взятии кредита вызвана иллюзорностью долга, который не придется выплачивать сиюминутно. Однако возникает другая проблема. Долг растягивается на длительное время и человек постоянно находится под его гнетом.

Если подходить к понятию насилия с материалистических позиций, то невозможно оставить в стороне взгляды К. Маркса на феномен денежного насилия. Хотя его «Экономическо-философские рукописи 1844 года» были одной из немногих его работ, в которой философский анализ проблемы насилия не только тесно переплетался с гуманитарными истоками самого марксизма, но и вводил в механизм насилия понятие отчуждения. Здесь Маркс, отталкиваясь от феербаховской концепции отчуждения, переносит ее в экономическую плоскость. Отчуждение есть противоречие, неадекватность деятельности и сущности человека. В данной работе сама идея коммунизма показывается с позиции отчуждения индивида от приобретенных, исторически обусловленных норм поведения.

В горизонте современной экономико-философской мысли финансовое отчуждение представляется как отстранение большинства сознательных граждан от реальных процессов формирования власти и контроля над ней, которое считается «естественно» присущим авторитарным и тоталитарным режимам. Работы П. Бурдьё способствуют распространению этого горизонта понимания политического отчуждения, что начинается с удивления тому, что современная представительская демократия не только не сглаживает факторы политического отчуждения, но содержит такой фактор в самой своей сути – в представительстве [2, с. 94-95].

В этом контексте политический механизм отчуждения является господством над индивидами и социальными группами тех учреждений и персоналий – партий, парламентов, аппаратов и лидеров, которые «по определению» должны отражать интересы своих граждан или членов, а не властвовать над ними. Такие феномены, как политический абсентеизм, девальвация гражданской идентичности, политический элитизм, контроль над властью со стороны наиболее мощных экономических игроков, являются последствиями и проявлениями как политического отчуждения, так и экономического насилия.

Теория политического отчуждения основывается на отторжении от индивида его "законного права" на формирование власти и координирование собственного бытия. Политическое отчуждение полагается в самом факте существования суверена (государства), власти, представительского демократического устройства общества. основополагающей причиной такого положения подразумевается возникновение социального института частной собственности и взаимодействующего с ним возрастания общественного неравенства (в частности политического). Пути преодоления таких форм отчуждения лежат во внедрении государственных форм конкретно плебисцитарного демократического правления, способного возратить индивиду изначально принадлежавшие ему функции власти. К. Маркс в контексте данной проблемы видел государство посредником между индивидом и его свободой, полагая основной причиной политического отчуждения возникновение антагонистических общественных отношений, предметом которых в условиях капиталистического образа производства является материально-экономическое отчуждение и его товарный аналог. Маркс выделял основные виды материально-экономического обособления индивида: отчуждение от индивида орудий и продуктов его деятельности, собственности, общественной (в том числе и властной) сущности человека, отчуждение индивида от индивида [1, с. 206].

Очевидно, что во всем разнообразии механизмов финансового насилия, ключевое место занимает все же сам индивид. Во многом социум сам формирует все новые механизмы денежного насилия. Следствием возникновения таких механизмов является личностное отчуждение индивида от социальных и экономических догм цивилизации. Однако избежать обособленности от финансовых норм общества представляется практически невозможным, так как материальный аспект – один из базисных фреймов современного общества.

Признание значимости проблемы финансового насилия уже само по себе является значительным рывком в истории философско-экономической мысли. Многообразие форм и видов денежного насилия говорит о том, что это насилие трансформируется вместе с обществом.

Современная экономическая наука имеет в своем арсенале множество блестящих теорий в области разработки методов управления денежными потоками, но многие вопросы, касающиеся экономического насилия в обществе, пока остаются без ответа. Разрешение этих проблем зачастую предоставляется самому индивиду или регулируется административными нормами. Но в последнее время все большее число философов и экономистов занимается разрешением проблемы финансового насилия.

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать, что любая деятельность индивида неразрывно связана с различными формами экономического насилия. Общество во всех своих

проявлениях по отношению к человеку должно стать менее финансово оккупированным.

Кроме этого, следует заметить, что каждый механизм экономического насилия имеет свою собственную динамику трансформации. Множество социокультурных категорий имеют в себе латентные детерминанты для будущих типов насилия. Принимая во внимание непредсказуемость современных трансформаций в обществе, мы не можем с уверенностью сказать, что характеристики денежного насилия, рассмотренные нами, будут неизменными через некоторое время.

Анализ экономического насилия имеет множество аспектов, из которых нами были выбраны лишь некоторые.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брожик В. Марксистская теория оценки: пер. со словац. / В. Брожик. - М.: Прогресс, 1982. - 261 с.
2. Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. - М.: Socio-Logos, 1993. - 336 с.
3. Дюверже М. Политические партии / М. Дюверже. - Екатеринбург, 2000. - 235 с.
4. Короткевич А.И. Денежное обращение и кредит: учеб. пособие / А.И. Короткевич, И.И. Очкольда. - Минск: ТетраСистемс, 2008. - 351 с.
5. Югай, Г.А. Антропосоциогенез: филос. и психол. аспекты: от биол. к соц. форме движения / Г.А. Югай. - М.: Знание, 1982. - 64 с.
6. Ярошевский Т.М. Личность и общество: Пер. с польс. / Тадеуш М., Ярошевский Т.М. - М.: Прогресс, 1973. - 543 с.

Гедікова Наталя Пилипівна – доктор політичних наук, професор кафедри політичних наук Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»

УДК: 340.342

КОНЦЕПЦІЯ ІНДИВІДУАЛЬНОЇ СВОБОДИ АЛЕКСІСА ТОКВІЛЯ: СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКИЙ АНАЛІЗ

Стаття присвячена питанню концепції індивідуальної свободи Алексіса Токвіля. Розкривається зміст поняття «індивідуальна свобода». Розглядаються погляди Алексіса Токвіля на поняття свободи людей у суспільстві.

Ключові слова: А. де Токвіль, свобода, лібералізм, індивідуалізм, демократія, рівність, прогрес.

Статья посвящена вопросу концепции индивидуальной свободы Алексиса Токвиля. Раскрывается содержание понятия «индивидуальная свобода». Рассматриваются взгляды Алексиса Токвиля на понятие свободы людей в обществе.

Ключевые слова: А. де Токвиль, свобода, либерализм, индивидуализм, демократия, равенство, прогресс.

The article is devoted to the issue of the concept of individual freedom by Alexis Tocqueville. The content of the concept of "individual freedom" is revealed. Alexis Tocqueville's views on the concept of people's freedom in society are examined.

Keywords: A. de Tocqueville, freedom, liberalism, individualism, democracy, equality, progress.

Тема индивидуальной свободы и свободы общества А.Токвиля является актуальной, так как свободу личности невозможно представить без свободы общества. Проблема свободы является центральной и противоречивой проблемой многих стран современного мира.

Цель статьи – определить как понимал индивидуальную свободу А. Токвиль.

Алексис де Токвиль является автором того типа, чье творчество очень нелегко отнести к определенному роду научных занятий. В частности, Токвиля считают своим автором историки, культурологи, исследователи политической мысли, правоведы, социологи, а также социальные философы. Все они борются за то, чтобы причислить Токвиля к своей профессиональной институции.